

В шестилетнем возрасте во мне стали пробиваться
слабые признаки интеллекта...

ОЛЕГ БАТЛУК

МЕМУАРЫ МЛАДЕНЦА

«Никогда не бегай за девушками и за трамваями.
Всегда придет следующий»

Олег Батлук

Мемуары младенца (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39152625

Мемуары младенца: [сборник рассказов] / Олег Батлук: АСТ; Москва;

2018

ISBN 978-5-17-109636-6

Аннотация

Все наши тараканы родом из детства. Когда-то они бегали, невидимые, рядом с нами в подгузниках на кривеньких ножках, а потом повзрослели. Автор бестселлера «Записки неримского папы» Олег Батлук, насмотревшись на малолетнего сына, отправляется в ностальгическое путешествие на встречу с тараканами своего детства. Юмористический сборник переносит читателя в атмосферную эпоху советского застоя, где застоялось все, кроме Олега Батлука, растущего перпендикулярно линии партии. Под сенью раскидистых бровей Брежнева разворачивается скромная эпопея взросления близорукого мальчика, которого в Древней Спарте скинули бы со скалы в числе первых. Не рекомендуется лицам с частыми приступами икоты по причине повышенной концентрации шуток и гэгов.

Содержание

Предисловие	5
1. Политинформация	7
2. Психотерапевт Пончик	11
3. «Золтые»	18
4. Наполеон с улицы Подбельского	19
5. Ромео на горшке	28
6. Весельчак	30
7. Родина слышит, Родина знает	32
8. Бонч и Бруевич	35
9. Мультки	36
10. Четыре танкиста и собака	41
11. Деревенский Хеллоуин	45
12. Бабушка Мороз	48
13. Баба-яга	54
14. Волшебная лампа Аладдина	56
15. Школа эстетического воспитания	59
16. С немой головой в светлое будущее	61
17. Сладкая месть	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Олег Викторович Батлук
Мемуары младенца
Сборник рассказов

© О. Батлук, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Предисловие

Чем старше я становлюсь, тем выше к горлу подступает прошлое.

Я ностальгирую по своему советскому детству.

Я засиживаюсь допоздна на сайтах с фотографиями старой Москвы, изучая, как выглядел мой район в восьмидесятые. Оказывается, аптека перед моим домом существовала уже тогда. Сорок лет она остается архитектурной доминантой квартала. Ничего интереснее за все эти годы с нами не случилось. Меняются люди, меняются лекарства. И только болезни одни и те же. А на одном снимке конца шестидесятых на большом перекрестке рядом с этой аптекой – пробка. Из трех машин. И все три разные. Пробка в СССР в шестидесятые на окраине Москвы из нескольких авто разных марок. Мой район уже в те годы чудил.

Было время, когда я любил запрыгнуть в машину и отправиться в окрестности Преображенки. Там я провел часть своего детства, в одном из затерянных в тупике у леса дворов. Из-за этой особенности своего расположения двор дошел до наших дней почти не тронутый будущим. Я парковался заблаговременно, чтобы не въезжать на заповедный островок своей памяти на современном авто и не разрушать микроклимат восьмидесятых. Шел пешком, осторожно, почти на цыпочках: вдруг из-за поворота выбегу кудрявый бе-

лобрысь я. Но недавно перед моим прежним домом за-чем-то срубили все деревья, те самые, что сохранили наши сокровенные детские тайны. Я застал, как рабочие увозили срубленное. Деревья тянули ко мне ветки из кузова грузовика, прощаясь. Я перестал туда ездить.

Понятно, что я ностальгирую скорее не по советскому, а по детству. Если бы мое детство прошло в Древнем Риме, я бы точно так же ходил вокруг разрушенных терм и боялся встретить за углом Цицерона.

Но тут есть нечто большее. Ведь для чего-то мне нужно переноситься в одну и ту же точку в прошлом.

Я думаю, в этом заключается сокровенное желание каждого человека – отмотать свою жизнь к началу. К той сердце-вине, откуда разбегается роза ветров. К тому райскому цветению возможностей, каким является наше детство. Когда все, кто не жив, еще живы. Когда мечты бродят непугаными розовыми слонами прямо посреди будней. Когда впереди столько бесхозного нескитаного времени, что оно смахивает на вечность.

Прелесть машины времени – в том, что она дарит нам иллюзию другого будущего.

1. Политинформация

У каждого времени есть свои отпечатки пальцев, по которым его легко опознать. В моем советском детстве таких было несколько.

Например, бабушки у подъезда. Мне казалось, что наши пятиэтажки так и сдавались в эксплуатацию в комплекте с этими бабушками. С годами они все глубже врастали в лавочки. Старушки перед моим домом всегда оставляли на скамейке место с краю. Там сидел Гоша – кот с первого этажа. Гоша был глуховат, но при этом любил слушать разговоры бабушек. Может быть, потому что они шелестели для него, как ленивый грибной дождик. По крайней мере, для меня эти разговоры шелестели именно так.

Или дворник. Дворники в то время были уважаемыми людьми. Домовыми двора. Его ангелами-хранителями. Их знала вся округа. И они знали всю округу. У нас работал дворник Володя. Татарин, плохо говорящий по-русски. Имя Володя было его псевдонимом. Однажды он поведал кому-то, что взял себе имя, как у Ленина, чтобы добиться уважения окружающих. Но Володю и так все уважали, и без Ленина.

Он состоял при нашем дворе несколько десятилетий. При нем рождались и умирали жильцы. По роду занятий внимательный к деталям, Володя хранил родословные в памяти.

Он мог часами рассказывать внукам об их ушедших дедушках, причем в таких подробностях, которые не всегда были известны их бабушкам. Сам Володя никогда не старел, оставался всегда одинаковым и умер молодым в восемьдесят лет. Ушел дворник в последний день листопада – настоящий профессионал. Его хоронили всем двором. По дороге похоронной процессии не встретилось ни листочка, ни пылинки: лучше эпитафии не придумаешь.

Володя охотно общался со всеми. Как Глеб Жеглов, он держал в голове целую картотеку. Утром он мог крикнуть мне, малолетке: «Ну что, Бальтюк (тяжела была моя фамилия для татарина), сегодня сочинение писать, да?», а вечером: «Эй, Бальтюк, тройка исправил, что ли?» Володя был для всех нас еще одним членом семьи. Некоторыми ребятами он занимался даже больше, чем их родные отцы. Эти детки бежали из школы с почетными грамотами в руках, чтобы показать их Володе, а не у себя дома. Дворник радовался за них, как за своих детей. Возможно, потому что своих у него не было. У него вообще за душой ничего не было, кроме метлы летом и лопаты зимой. Ничего, кроме самой души, огромной, на килограмм, при наших стандартных шести граммах, как посчитали ученые. Мы все и были его семьей.

И, наконец, политинформация. Этот странный идеологический аппендицит перед первым уроком. Наша классная руководительница, женщина в возрасте, с букетом болезней, ненавидела утро. Утро – это вообще время молодых. Толь-

ко юные и здоровые его любят. А все остальные: старые и больные, а порой, кому повезет, и просто похмельные, – утро ненавидят.

Учительница ненавидела политинформацию заодно с утром. На моей памяти она не провела ни одного такого урока. Их все провел я. Меня каждый раз единогласно выбирал класс. Ритуал повторялся в точности изо дня в день.

«Кто сегодня прочтет политинформацию?» – трагически вопрошала классная.

«Батлук!» – орали все в один голос.

Меня выбирали потому, что вместо политинформации я пересказывал одноклассникам Жюля Верна. У нас дома было полное собрание его сочинений. Классная руководительница засыпала при первых звуках моего голоса и просыпалась ровно через пять минут. Как Штирлиц под Берлином. Профессиональное, годы тренировок.

Эти пять минут политинформации были только наши, детские, антивзрослые и страшно аполитичные.

Случались, конечно, и казусы. Классная, бывало, просыпалась в самый неподходящий момент. Например, когда профессор Аронакс с Недом Лендом впервые попадали на «Наутилус». Но я, как вражеский шпион, всегда следил одним глазом за периметром. И был готов к любым неожиданностям.

«Кто вы? – спросил профессор незнакомца», – произнес я зловещим голосом. Класс полулежал на партах от пред-

вкушения, подавшись вперед. И тут просыпалась учительница. Мутным заспанным взглядом она обводила класс и оставалась на мне.

«Кто вы?» – по инерции успевал повторить я, прежде чем замечал движение в периметре.

«Брежнев!» – моментально исправлялся я.

Класс продолжал лежать на партах, но уже беззвучно давясь от хохота.

«Молодец, Батлук, продолжай», – бормотала классная и засыпала снова.

Бабушки на лавочках, родной дворник Володя, уроки политической информации – мое советское детство, где ты?

Наверное, до сих пор плаваешь где-то в бескрайнем океане прошлого неуловимым «Наутилусом» под командованием молчаливого капитана Брежнева, хранящего твои тайны.

2. Психотерапевт Пончик

С детских лет меня тянуло к сбитым летчикам. В то время как у остальных ребят в друзьях были яркие харизматики и лидеры мнений, мне вечно доставались какие-то неудачники-инферналы.

Взять, к примеру, легенду моего детства – ребенка по кличке Пончик. Мы с ним якшались, по меткому определению тогдашних взрослых, в детском саду. Свою кличку он получил не из-за полноты – напротив, Пончик был худым, как жердь. Просто однажды эта тростинка тайком сожрала целый поднос пончиков, приготовленных для нашей группы. Вот уж ни разу не мыслящий тростник, по Паскалю.

Пончик как-то сам приبلудился ко мне. И тем самым он моментально отогнал от меня остальных потенциальных друзей в детском саду. Правда, сейчас, с высоты прожитых лет, я понимаю, что в те годы я не был королем танцпола и, скорее всего, никто и так не стал бы дружить с настолько тухлым ребенком. Таким образом, Пончик оказал мне первую бесценную психотерапевтическую услугу, распугав других детей, которые и не собирались со мной знакомиться, чем сэкономил мне ручьи слез по поводу неразделенной взаимности.

Впоследствии Пончик оказал мне множество подобных, по сути, чисто психотерапевтических услуг.

На длинной дистанции наша с ним дружба оказалась для меня психоаналитическим Клондайком. И хотя Пончик все делал не нарочно, каждый раз он ненароком приносил мне врачебную пользу. Такой вот неуклюжий ангел-хранитель. Я до сих пор не понимаю, чем приглянулся тогда этому странному грустному терминатору. Возможно, он встретил во мне родственную душу: я тоже мечтал сожрать целый поднос пончиков, но так и не решился.

Во-первых, Пончик научил меня главному в жизни – есть зубную пасту. В нашем советском детстве была такая детская зубная паста с вишневым, кажется, запахом. Каждый раз во время чистки зубов мне казалось, что я выплевываю в раковину целую горсть сладких спелых вишен. Мне очень хотелось попробовать содержимое тюбика, но однажды родители мне это запретили, когда я, наивный чистый ребенок, спросил у них про это напрямую. Я так бы и заработал на всю жизнь невроз непроглоченного тюбика, если бы не Пончик, который был кем угодно, но только не наивным чистым ребенком. Как-то раз в детском саду он подошел ко мне во время утреннего моциона, взял мою вишневую пасту и начал чистить зубы. Мне так показалось. Только потом я обратил внимание, что щетки-то у него в руках нет. Пончик стоял рядом со мной и за обе щеки уминал вишневую пасту. Позавтракав таким нехитрым способом, он протянул тюбик мне. И тогда я тоже попробовал. Божественная эссенция. По сравнению с ней настоящая вишня – сплошная химия.

Во-вторых, Пончик избавил меня от комплекса неваляшки. Была у нас в том же советском детстве популярная игрушка – пластмассовая девочка с большими печальными глазами, которая не могла лечь спать. Ты ее наклоняешь на бочок – она возвращается в исходное положение. Я страшно переживал за неваляшку из-за ее бессонницы, я пытался помочь малышке, придавливая ее подушкой и садясь сверху. Но девица каждый раз восставала из спящих. И когда у меня уже начал дергаться правый глаз, Пончик подошел ко мне с кирпичом и разбил неваляшку. Неваляшка с гигантской дырой в нижнем шаре очень даже неплохо лежит на боку.

В-третьих, Пончик вылечил меня от котлетного расстройства. Мы с ним на пару терпеть не могли котлеты. Точнее, сначала котлеты не переносил только Пончик. Но после того, как он на ухо сообщил мне новость о том, что котлеты – это дохлые хомячки, я тоже их сразу разлюбил. В те годы в детских садах процветало пищевое насилие. Воспитатели воспитывали нас под популярным лозунгом кубинской революции «Котлета или смерть!». Но Пончик нашел выход. Элегантный и интеллигентный, как все в его арсенале. Он насаживал котлету на вилку и закидывал ее на шкаф. Скоро Пончик и меня научил этому нехитрому приему. Мы с ним сидели за последним столом, на галерке, как и полагается социально чумным детям. Нас было плохо видно. Шкаф стоял почти вплотную: котлетам лететь недалеко. Так что мы практически не промахивались. Через неделю в столовой появился

странный запах. Через две он стал невыносимым. Источник смрада обнаружился благодаря местному слесарю, вызванному чинить канализацию. Он слез с того шкафа седым. Видимо, разложившиеся котлеты мутировали в какую-то другую, отвратительную форму жизни, как в фильме ужасов. Иначе чем еще можно объяснить испуг бывалого слесаря, к тому же ни разу не трезвого. Нас с Пончиком разоблачили, усадили за стол в первом ряду и принялись кормить запеканкой со сгущенкой, изверги.

Наконец, с помощью Пончика я преодолел синдром непризнанного гения. С самого детства у меня все валялось из рук. Я родился с коротким тельцем, и руки у меня какое-то время действительно росли оттуда. Снизу. В смысле – не из плеч.

Однажды к празднику Седьмого ноября в нашем саду запланировали выставку детских поделок из пластилина. Целый месяц детвора лепила. Все, кроме Пончика. Он выступал в индивидуальном зачете – рисовал карандашами в темном углу, за отдельным столом. Я тоже лепил. Насколько это было вообще возможно для ребенка, у которого все валится из рук.

В день выставки все пластилиновые поделки выставили на всеобщее обозрение. Среди узнаваемых кошечек, собачек, птичек, рыбок и даже одного узнаваемого слона выделялось одно пластилиновое нечто. Мое. По замыслу под нечто тоже подразумевалась кошечка. Вот только хвостик у нее рос пря-

мо из лобика, и это было наименьшей из ее проблем. Милые детки, они так радовались моему фиаско.

«Это что такое, наверное, батлукоглаз!», «это что такое, наверное, батлукорук!» – несло со всех сторон.

Так виртуозно мою фамилию ни до, ни после больше никому не удавалось просклонять. Надо отдать воспитателям должное, они пресекли это словотворчество. Ровно в тот момент, когда креативные малыши, перебирая части тела сверху вниз, подозрительно приблизились к области ниже пояса. Воодушевленные моим позором, дети пошли обедать.

Во время тихого часа Пончик несколько раз вставал и отлучался куда-то. Потом возвращался и хомячил что-то в одиночку под одеялом. Видимо, печенья, разложенные для полдника на столах, таскает, решил я тогда.

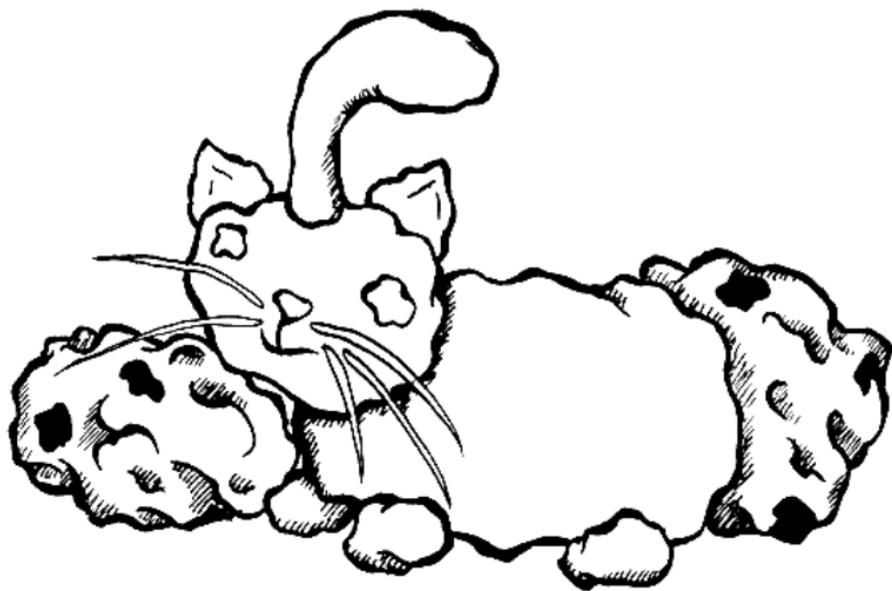
После полдника пришли родители, чтобы посмотреть выставку. Я с удивлением обнаружил, что печенья на полднике оказались на месте, не тронутыми. Родителей вместе с нами, детьми, пригласили в игровую комнату, где были выставлены поделки.

«Вот – результат месяца нашей кропотливой работы», – по-стахановски отрапортовала воспитательница и жестом предложила собравшимся пройти к экспонатам.

Сначала заплакала девочка, сказавшая «батлукоглаз». Потом зарыдал мальчик, крикнувший «батлукорук». А за ними заголосила и вся группа в полном составе.

Поделки были изуродованы. Кошечки без голов, собачки

без ног, слоник с головой и ногами, но без туловища, вот незадача.

«Пончик!» – заорала воспитательница.

Все обратили взгляды в его сторону.

Пончик стоял у края стола с выставкой и доедал попку у предпоследней целой мышки. С остальными экспонатами он благополучно расправился, пока детский сад спал.

Ах да, я, кажется, не упомянул об этом. В пантеоне странностей Пончика была еще одна, довольно милая: он ел пластилин. Видимо, в организме ребенка не хватало каких-то важных микроэлементов, и он их таким образом восполнял.

С помощью пластилина. Да, и еще зубной пасты. Но только не котлет. Воспитатели знали об этом его баге и не позволяли ему лепить. Именно поэтому во время лепки экспонатов Пончика специально отсадили, снабдив тупыми карандашами, которыми нельзя покалечиться. Но никто из взрослых функционеров детского сада и представить себе не мог, что Пончик покусится на святая святых, детское творчество, и за тихий час сожрет целую пластилиновую выставку.

На столе, среди груды бесформенного неузнаваемого пластилина выделялась одна узнаваемая кошечка. Моя. Пончик не тронул ее. Пощадил, единственную. И даже хвостик, торчащий из головы, теперь мою кошечку уже не портил.

На фоне уродливых монстров, в которых превратились поделки других детей, она выглядела лапочкой. И даже немножко шедевром.

Впоследствии, во взрослой жизни, я встречал много прекрасных талантливых психологов.

Но ни один из них и рядом не стоял с малолетним психотерапевтом Пончиком.

3. «Золтые»

Самое яркое спортивное воспоминание из моего раннего детства – ярко-желтая, сочная, кристально-лимонная форма сборной Швеции по хоккею.

Как рассказывал отец, я радовался каждой шайбе, которую сборная Швеция забрасывала в ворота сборной СССР: скакал от восторга и хлопал в ладоши, кретин малолетний.

Как ни пытался папа мне объяснить, что наши играют в красных свитерах, я только пуще прежнего орал:

«Золтые, золтые!»

4. Наполеон с улицы Подбельского

Мое советское детство распадается на две части: до нашей эры и после.

До нашей эры – это несусветная рань моей жизни, когда на окраинах Москвы пели петухи (там, где новые кварталы пятиэтажек граничили с деревнями), в гостиных еще не появилось видеомэагнитофонов, а над страной безбрежно колосились брови генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Мое советское детство до нашей эры прошло во дворах на улице Подбельского. Я жил там у бабушки с дедушкой до шести лет.

Это удивительный кварталчик на окраине Преображенки. Хотя, возможно, и не удивительный. Мое отношение к нему, как к бывшей возлюбленной, уже никогда не будет объективным. Эти дворы до краев наполнены моей ностальгией.

Я вспоминаю, как мы с бабушкой могли целый час подниматься к себе домой. На первый этаж. Потому что по дороге нам встречались бесконечные соседи, с каждым из которых бабушка обязательно беседовала. Я тихонько стоял у нее в ногах, в прохладной полумгле подъезда, под невидимым мостом из слов над моей головой, причастный к чему-то взрослому.

Я вспоминаю деда, полковника-пограничника, уважаемого человека, местного «лидера мнений», как бы сейчас ска-

зали. Вот он показался на горизонте, возвращается из магазина. В руке уважаемого человека – извечная авоська, из которой, как из Ноева ковчега, торчит каждой твари по паре: белые батоны, пухлые колбасы, ряженки в розовых шапочках, загадочные зеленые бутылки с пеной внутри, но не «Буратино», и непременно, как вишенка на торте, какая-нибудь игрушка. Из батонов, колбас и ряженки обязательно виднелись колеса грузовика или пластмассовый приклад ружьишка.

И, главное, я вспоминаю Кальдерманца. Это был мой легендарный друг детства. Настолько легендарный, что я до сих пор не уверен, правильно ли я запомнил его фамилию. Его имени история не сохранила: в нашем дворе Кальдерманца все звали только по фамилии.

Кальдерманц доблестно разрушил одну половину моего детства (над второй потрудился знаменитый мультфильм ужасов «Варежка»). Парадоксально, но друг испортил мне детство из благих побуждений. Кальдерманц был, как бы это сказать, моим телохранителем, но телохранителем неуклюжим. Он каждый раз хотел, как лучше, а получалось по-кальдерманцевски.

Мое детство, как у всей советской детворы конца семидесятых – начала восьмидесятых, прошло в стиле «милитари», в вечной тени ядерного гриба. Мы круглые сутки играли во дворе в «войнушку». Это был наш «Дом-2», мы отдавали этой забаве свои юные жизни без остатка.

Как известно, в игре дети моделируют взрослых. У нас, малышей, была та еще конкуренция. Почти как в том же «Доме-2». На пяточке двора сошлись два пятилетних альфа-самца – я и, кажется, Петров. Или Иванов. У моего Сальери была какая-то простейшая амебообразная фамилия, абсолютно не героическая. Не то что у меня – Батлук! Героика, аж звон в ушах. Вот с этим Сидоровым мы и соревновались за должность командира отряда. Я рос малышом с большими амбициями. Я любил власть и не любил торт «Наполеон», потому что природа запрещает пожирать себе подобное.

Наше соперничество подпитывалось происхождением. Я был из семьи потомственных военных, а папа условного Сидорова служил в каком-то жалком ГАИ. У всех остальных детей во дворе жизнь не удалась: они происходили из простого народа, поэтому не могли претендовать на командные должности. Этот жестокий негласный детский этикет всеми соблюдался.

Наше противостояние с Сидоровым заключалось в том, кто быстрее из нас двоих притащит из дома во двор очередной командирский атрибут. Выскочил он на улицу первым с милицейской полосатой палкой – он командир. Я подсуетился и нарисовался с биноклем – во главе сводной дивизии шантрапы генералиссимус Батлук (с должностями мы не мелочились).

На моей стороне было бесспорное преимущество. У Си-

дорова к силовым органам имел отношение только один отец. А у меня – целых трое: дед-полковник, дядя- моряк, военврач, и папа – военный инженер. Все они дружно поддерживали этот нездоровый ажиотаж. С каждым разом я появлялся во дворе все более сложно экипированным, как Шварценеггер в «Коммандо», так что в какой-то момент местные голуби начали подозрительно коситься в мою сторону.

Но тут Кальдерманц. Мой верный Санчо Панса. Мой милый враг. Кальдерманц сразу прочухал, на чьей стороне сила и влиятельные родственники с экипировкой, и везде таскался за мной в качестве адъютанта его превосходительства. При всей своей доброте и незлобивости Кальдерманц обладал крайне изношенной кармой. Это был человек-бедоносец, король неуклюжих. У него все валилось из рук.

Мне запомнились три характерных случая.

В первый раз дядя-моряк выдал мне свой парадный морской кортик. Без самого кортика, естественно. Одни ножны. Но и они стоили по детским меркам целое состояние. Когда я появился во дворе с пустыми ножнами, вся детвора сразу припала к моим ногам. Абсурд, конечно, но дети малые, что с них возьмешь. Даже из соседних дворов прибыло пополнение, прослышав про ножны. Я деловито расхаживал по плацу, строя личный состав. Личный состав в рваных колготках, шортиках на одной бретельке и панамках набекрень охотно строился. И даже Сидоров, присмиривший при виде кортика без кортика.

Мы построились, и я уже собирался скомандовать «в атаку». Но тут мне за спину тенью шмыгнул Кальдерманц. Шепотом он посоветовал мне высоко поднять кортик, чтобы все видели. Сказал, мол, так делал главный в одном фильме про войну. Совет был дельный, ничего не скажешь. Я громогласно скомандовал «в атаку», взметнул ввысь ножны на вытянутой руке, и мы толпой с гиканьем и улюлюканьем понеслись по двору.

Из-за дома вальяжно выплыл наш местный участковый. Вдали он увидел детвору, бегущую в его сторону, и, глядя на нас, по-отечески заулыбался. Внезапно улыбка слетела с его лица: он заметил младшего Батлука с кортиком над головой (оказавшимся там по мудрому совету Кальдерманца). На таком расстоянии, естественно, участковый не разглядел, что самого оружия у меня нет. В несколько прыжков милиционер подскочил к нам и ловким движением выхватил ножны из моих героических пальчиков. Личный состав мгновенно разбежался. Их можно было понять: получается, они воют с официальными органами, по сути с советской властью, раз уж участковый напал на их командира и разоружил его. Затем последовал долгий унижительный допрос на тему, где я зарыл кортик. Когда все выяснилось, Сидоров уже успел принять командование.

Во второй раз дед выдал мне планшет. Конечно, я бы просто убил местную детвору iPad pro, но тогда планшеты были другими. Кожаными, на ремне через плечо и с картой

местности внутри (причем не Яндексом!). Для пущей убедительности дедушка запахал под слюду свежий номер журнала «Крокодил»: личный состав все равно еще не умел читать. Далее – по накатанному сценарию. С планшетом, даже не iPad pro, я тем не менее сразу выбился в командиры. Малышня снова выстроилась под моим командованием. Я приказал «в атаку», и мы побежали. Верный Кальдерманц, как ведомый в авиации, бежал за мной, прикрывая тыл. Проблема заключалась в том, что он и ходил-то нестабильно, постоянно падая в какие-то люки и ямы. А бег – так это было и вовсе не его. Уже через несколько секунд после старта Кальдерманц благополучно наступил мне сзади на планшет, который на слишком длинном для моего роста ремне волочился за мной по земле. Я мгновенно встал на дыбы в прерванном аллюре и шлепнулся на спину. Кальдерманц грациозно приземлился сверху. Сидоров смеялся громче всех, понятное дело.

Наконец, третий и самый унижительный конфуз приключился ровно в тот день, который обещал стать днем моего окончательного триумфа над Сидоровым. В то утро дядя-моряк выдал мне свою белую парадную фуражку. Слов нет, чтобы описать это чудо. Вот воистину – головной убор. Погода стояла прекрасная, поздняя весна, выходной день, наши дедушки, бабушки, родители и соседи блаженствовали на лавочках. Взрослые, все как один, не могли отвести восторженных взглядов. От меня. Я расхаживал перед строем

с дядиной фуражкой в руке. Кокарда сверкала на солнце и слепила ребяташек. Они почтительно морщились. Сидоров, отправленный мной в последний ряд, тянул шею – видимо, хотел получше разглядеть из-за спин свое фиаско. Свершилось: Наполеон с улицы Подбельского наконец подобрал себе корону по размеру. Не треуголка, конечно, но все же. С другой стороны, карапуз в рваных колготках и треуголке – это был бы еще тот разрыв шаблона.

Я стоял лицом к своей грозной армии в коротких штанишках и вновь, в который раз, собирался отдать им приказ «в атаку». Краем глаза я заметил, как дедушка в предвкушении привстал со своей скамейки. Приказ «в атаку» я обычно отдавал немного не по уставу – говорил «на старт, внимание, марш». Но кто посмел бы поправить человека с морской парадной фуражкой. Не эти же сухопутные крысы. «На старт!» – пролетел над улицей Подбельского мой грозный писк. «Внимание!» – даже Сидоров, отбросив вражду и осознавая исключительность и торжественность момента, весь подобрался. И за секунду до того, как я гаркнул «марш!», едва не выплюнув свои маленькие легкие, Кальдерманц успел крикнуть мне: «Фуражку надень!»

Я молниеносно напялил на себя фуражку, развернулся на сто восемьдесят градусов от ребят и стартовал по асфальтовой дорожке с пробуксовкой и разгоном до 100 км/ч за три секунды. Я же командир, я должен бежать первым! Гигантская фуражка моментально сползла мне на лицо, полностью

закрыв обзор. В результате вместо ста восьмидесяти градусов я развернулся где-то лишь на сто и по красивой отчаянно прямой траектории на всем бегу сослепу врезался в дерево...

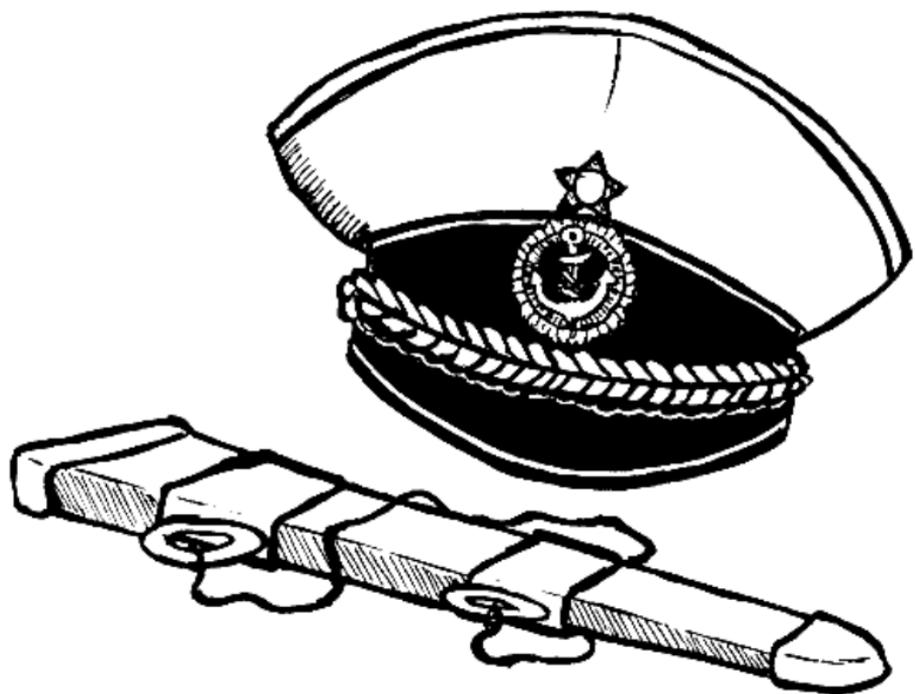
Кальдерманц, если ты читаешь эти строки, я не сильно переврал твою фамилию и ты узнал себя, знай, что ты – спонсор всех моих неврозов.

Хотя...

Если бы не ты рядом, какое бы у меня было детство там, на Подбельского? Маленький солдафон, повелевающий другими с помощью пустых ножен?

Нет уж.

Спасибо тебе за такие нужные уроки, мой любимый Кальдерманц.

5. Ромео на горшке

Мне всегда нравились девушки выше меня. Быть выше меня несложно при моих метр двадцать.

Долгое время я считал, что в этом моем предпочтении есть что-то от метафизического архетипического стремления мужчины обладать чем-то большим, весомым, осязаемым.

Вот такой я загадочный самец, думал я.

Оказалось, все проще.

Оказалось, что корни – в глубоком детстве, как всегда. И никаких загадок.

Моя матушка однажды припомнила, как в детском саду я дружил с девочкой на две головы выше меня.

В младшей группе мы ходили обнявшись, насколько это было возможно при наших физических различиях: она обнимала меня за шею, я ее – за колено.

В старшей группе девочка еще подросла, а я как будто даже скукожился. И она меня бросила и стала ходить в обнимку с равновеликим гренадером.

Очевидно, что мой роман был обречен изначально: я играл с ней в большую любовь, а она со мной – в дочки-матери.

Получается, вождедея впоследствии высоких, я пытался дотянуться своими короткими ручками до недостижимой высоты той своей детсадовской любви.

Надо дождаться, когда каланче из садика стукнет восемьдесят, и она согнется в три погибели от ревматизма.

Классный план.

Только вот что со мной-то тогда будет в восемьдесят?
Страшно представить.

Да и будет ли.

6. Весельчак

Лет до тридцати я любил праздновать свой день рождения. Пока не понял, что это обратный отсчет.

Моя мама собирала родственников и устраивала приемы в мою честь. У нее даже был фирменный тост: она каждый год поднимала бокал за то, каким противным ребеночком я рос и каким прекрасным вырос. Правда, из трехминутного тоста часть про противного ребеночка занимала 2 минуты 40 секунд, а дифирамбы – всего 20 секунд.

Основным атрибутом противного Олежки, по воспоминаниям матушки, было недовольное лицо. Даже не так. «Вечно недовольное лицо» – так она говорила. По ее словам, я даже смеялся с недовольным лицом.

На моем лице рос кактус. Вместо лица я носил чернослив. На моем лице жил ослик Иа-Иа. Мое лицо умело сворачиваться ежом.

А у моего папы про это была своя история.

Однажды я приехал на выходные в гости к бабушке и дедушке, папиным родителям. Я вошел в их квартиру с такой физиономией, как будто принес им вести о начале ядерной войны. Их кот при виде меня в последний раз мяукнул и пошел вешаться с тоски.

В коридор из комнаты грандиозно выплыл дед. Он всегда так появлялся. Бабушка и мама суетились вокруг меня,

стягивая с принца верхнюю одежду. Я подзастрял в неуклюжем зипуне. Бабушка тянула меня за один рукав, мама – за другой. При этом мама нервничала и причитала, что я опять приехал к родственникам с недовольным лицом, поэтому зипун и не снимается (такая кармическая теория). Она требовала у меня немедленно снять недовольное лицо и надеть довольное.

Тем временем дедушка степенно подошел ко мне, сел передо мной на корточки (а это был смертельный номер по причине его лишнего веса и больных коленей) и взял меня за свободное лицо. Пока бабушка с мамой пытались оторвать мне руки, дед большими теплыми пальцами принудительно распрямил суровые складки моей недовольной физиономии. Он прошелся своей широкой ладонью по моему лицу, как утюгом, и вернул мой рот, съехавший в приступе младенческого скептицизма куда-то к уху, на место под нос. В качестве последнего штриха дед вылепил из моих губ улыбку. Тут и женщины как раз подросли, и я с веселым чпоком вылетел из зипуна.

Мама и бабушка одновременно ахнули: я стоял посреди коридора и улыбался.

«Ну вот, – заметил дедушка философски, – а вы говорите „недовольное лицо, недовольное лицо“. Весельчак!»

7. Родина слышит, Родина знает

Никто еще серьезно не исследовал, как советские мифы (по-современному – «мемы») влияли на пластилиновую детскую психику. Я готов сделать первый вклад в такое исследование, рассказав о своем опыте.

В советском детстве меня отчаянно будоражил мем «строительство коммунизма». У меня в альбоме была марка «молодые строители коммунизма – вперед к новым успехам». Я воспринимал ее буквально, как прямое обращение партии и правительства лично ко мне. Вообще, если бы мои родители в то время узнали, что кто-то разговаривает со мной через почтовые марки, они бы, наверное, сильно расстроились. Я догадывался, что мои детские забавы и шалости не имеют отношения к строительству коммунизма. В школу я еще не ходил, а детский сад, даже во всем величии его старшей группы, не тот масштаб.

Как-то раз по телевизору я услышал выражение «стройки коммунизма», еще один фееричный мем. Я сходил на соседнюю стройку, но меня оттуда с матюками прогнал сторож, и я понял, что здесь, видимо, строят что-то другое.

Интуиция подсказывала мне, что строительство коммунизма ведется где-то там, на широких проспектах столицы нашей родины. И вот моя детская истерзанная поисками психика нашла решение. И я, наконец, научился строить

коммунизм.

Я делал это двумя способами.

Во-первых, я читал настенную газету. В то время на улицах и даже в переулках размещались специальные стойки, на которых вывешивалась свежая газета. Рядом с моим домом стояла такая, и родители разрешали мне туда ходить. Читал газету – это громко сказано. Читать я тогда толком еще не умел, да и по росту дотягивался только до нижних газетных строчек. Я просто подолгу стоял неподвижно возле газеты и старательно тянул нос вверх, к передовице. Я был в восторге: еще бы, у подножия газеты «Правда» я строил коммунизм. Подозреваю, что со стороны это выглядело фриковато: шкет без признаков жизни, с глазами в кучу и задранным кверху носом. Вспоминаю, как однажды незнакомый дядька сделал мне замечание. Он спросил, не собираюсь ли я тут ссать на «Правду». Так он спросил.

Во-вторых, я много говорил по телефону. Напротив газетной стойки располагалась телефонная будка. Та самая, советская, с телефоном-автоматом внутри. Я торчал в ней до посинения, приложив трубку к уху и глаза на похожих изнутри. Я чувствовал, что мы с ними вместе делаем одно общее дело – строим коммунизм. Прохожие проходили мимо, наверняка удивляясь сосредоточенному лицу карапуза в будке и гадая, с кем же он там разговаривает. А я разговаривал с партией и правительством, не меньше! В этом я ни на секунду не сомневался: в одном фильме по телевизору Ле-

нин беседовал с кем-то по точно такой же тяжелой черной никелированной трубке.

И, самое невероятное, партия и правительство мне отвечали!

«Московское время восемнадцать часов двадцать пять минут», – отвечали мне партия и правительство.

8. Бонч и Бруевич

При социализме была крутая, качественная мифология.

В моем детстве гремел рассказ про Ленина и чернильницу. Кажется, Бонч-Бруевича. Кстати, это еще одно доказательство крутой мифологии: я думал, что это два разных человека, Бонч и его друг Бруевич, а потом оказалось, что все-таки один.

В том рассказе описывался случай, когда Ленин в тюрьме молоком из чернильницы, сделанной из мякиша хлеба, нацарапал то ли манифест Троцкому, то ли любовное письмо Крупской. А когда вошли жандармы, Ленин ее съел. В смысле, чернильницу, а не Крупскую.

Кто из моего поколения после этого не пробовал писать молоком? Писать молоком – знак принадлежности к эпохе, наш тайный код. Я не уверен, что у кого-то из нас получилось...

Лично меня мама однажды застала на кухне в луже молока, облепленного хлебными крошками, и наказала за надругательство над хлебом. После этого я начал сомневаться в Ленине.

И начал подозревать, что Бонч с другом Бруевичем вовсе не те, за кого себя выдают.

9. Мультики

Для советского ребенка познание мира начиналось не с прописей, не с букварей, не с учебников. Познание мира для советского ребенка начиналось с мультиков.

Советский Союз знаменит своей мультипликацией. Неоднозначной и непростой, как и все в Советском Союзе.

Я уверен, что мультипликация в СССР была еще одной формой диссидентства, эзоповым языком протестующей интеллигенции. Это такой официальный самиздат. Многие советские мультфильмы глубоки, как Достоевский. Через головы детей они обращались к взрослым, с помощью тайнописи подтекста.

Некоторые шифровки мультипликаторов, спрятанные ими в невинных на первый взгляд сюжетах, в свое время дошли до моего детского подсознания.

Эти мультики стали моими любимыми. «Шпионские страсти», «Паровозик из Ромашково», «Винни-Пух», «Малыш и Карлсон», «Ну, погоди!». Именно они произвели во мне коперниканскую революцию посреди тотальной птолемеевой ереси.

В «Шпионских страстях» я тайно сочувствовал шпионам. К счастью, у меня хватило куриных мозгов не признаться на очередном уроке политинформации, что я мечтаю стать предателем родины. А как было не мечтать об этом? Главный

герой, которого совращала Антанта, делал ровно то, о чем я в начальной школе грезил ночи напролет, подергивая во сне ножкой: курил папиросы, ходил по ресторанам и встречался с роковой красоткой на три головы выше его.

В «Паровозике из Ромашково» я таял, как рафинад в кипятке, при виде поезда на обочине. Образ «поезда на обочине» был антисоветским по сути, ментальной катастрофой. «Наш паровоз, вперед лети» – эпоха на всех парах мчалась в ближайшую вечность, сияющую на картине Богаевского «Днепрострой». В «Паровозике из Ромашково» поезд не «сошел», а «ушел» с рельсов: между этими двумя глаголами лежала мировоззренческая бездна. Советский поезд мог покинуть рельсы только в результате трагического инцидента, но не своего осознанного выбора. Не сомневаюсь, что «Паровозиком из Ромашково» диссидентствующие мультипликаторы протестовали против строительства БАМа.

Отечественный «Винни-Пух» был энциклопедией советской жизни, парадом типажей. Я обожал этих персонажей, всех без исключения, что не удивительно, ведь их списали с моих знакомых и соседей. Винни напоминает откинувшегося уголовника. Отчасти эту аллюзию подпитывал Евгений Леонов, озвучивший медвежонка и сыгравший урку в «Джентльменах удачи». Но не только. Винни-Пух постоянно совершает различные правонарушения: гоп-стоп с пчелами, разбой у Кролика дома, разводилово Совы с ослиным хвостом. Винни-Пуху не хватает только смачной татухи на лапе,

хотя не исключено, что на первых эскизах она была. Пятачок – классическая «шестерка», «слабак», «заблуждающийся». Кстати, самая серьезная статья в итоге светит как раз этой неуверенной в себе свинье – за применение огнестрельного оружия против пчел. Сова восходит к классическим перекупщицам в малинах, воспетых в «Место встречи» в лице Верки Модистки. Немудрено, что у нее нашелся ворованный хвост. Что касается ослика, тут все совсем очевидно, так как это образ вечно пьющей русской интеллигенции: депрессия в день рождения, где-то потерянная накануне часть тела, неузнавание себя в зеркале вод.

«Малыша и Карлсона» советские мультипликаторы обрели сразу несколькими подпольными смыслами. Во-первых, это пацифистский мультик: Карлсон – боевой вертолет, уволенный из армии за доброту и человеколюбие. Во-вторых, это протест против карательной педагогики в лице Домомучительницы. Карлсон – первый советский Монтессори.

Антагонисты в мультфильмах той эпохи были всегда привлекательнее протагонистов. Положительные герои вызывали отрицательные эмоции. За ними не хотелось идти даже до следующего столба, не то что до конца. В моем случае это наиболее яркое проявилось с «Ну, погоди!». Я от всей своей чистой детской души желал Зайцу смерти. Причем мучительной. Я не понимал, какого лешего этот гиперпозитивный хмырь докопался до несчастного Волка. Последний, опять же, олицетворял для меня очередную ролевую модель: я то-

же мечтал носитель тельняшку, гонять на бетономешалке и опрокидывать урны.

Но самый разрушительный эффект на мое еще не оперившееся и покрытое нежной пылью детской подсознание произвел вроде бы совсем невинный и непритязательный мультфильм «Ох и Ах».

«Ох и Ах» – это еще одна филигранная фальшивка про двух антиподов.

Ох – антиобщественник, вредный элемент, нахлебник. Это в терминах той эпохи. Или: слоупок, депрессант, асоциал, мизантроп и прокрастинатор, если говорить современным языком. Такой мультипликационный Обломов.

Ах – его противоположность: энтузиаст, вертихвост, стахановец и передовик, или стартапер-адреналинщик, по-нашему. В вечной движухе и гиперактивности.

Ах постоянно норовит перевоспитать Оха, форматирует его, тормозит.

Официальная мораль советского мультфильма понятна: будьте, как Ах.

Но на меня лично сила этого произведения искусства действовала, как и было задумано его создателями, с точностью до наоборот. Я завидовал Оху и хотел жить как он – в кладовке и в паутине. Я снова, как и в случае с Зайцем и Волком, не понимал, почему этот розовощекий Ах до него докопался. И, когда в итоге по сюжету Оха заставили постричься и убрать паутину, я почти физически страдал.

После просмотра «Оха и Аха» я каждый раз доставал из ящика для стирки грязные вещи и отказывался идти в школу.

«Кладовка или смерть!» – скандировал я родителям.

Ах – это такой советский мультипликационный анти-Че Гевара.

В итоге после «Шпионских страстей» я, конечно, не стал шпионом, зато освоил английский и полюбил путешествия за границу.

«Паровозик из Ромашково» научил меня тому, что в конце великого пути нет ландышей. Ландыши растут на обочинах. А в конце великого пути – лишь тьма гулкового депо.

«Винни-Пух» подготовил меня к разнообразию человеческой природы и к тому, что совы – не то, чем кажутся.

«Малыш и Карлсон» помог мне принять очень важное в моей жизни решение: после восьмого класса я перешел из обычной школы в экспериментальный лицей.

А благодаря «Ну, погоди!» я усвоил золотое правило, которому следую до сих пор, – держаться подальше от зайцев.

Как ни крути, получается, что всем хорошим во мне я обязан советской мультипликации.

10. Четыре танкиста и собака

В детстве художественный вымысел был для меня непо- сильной ношей. Если других детей искусство лишь слегка увлекало, то меня безвозвратно засасывало.

Так, после просмотра мультика про «Варежку» я наотрез отказался носить варежки. Тот просмотр очень некстати случился зимой, на улице стояли морозы, а не лежала прохлада, как нынче, в двадцать первом веке. Матушка, батюшка, бабушки, дедушки и тетушки использовали весь свой коллективный IQ, чтобы убедить меня утеплиться, но я извивался с воплями, что не собираюсь надевать на себя дохлых собак.

По словам Достоевского, все мы вышли из «Шинели» Го- голя. Про всех не скажу, но я лично вышел из «Варежки» режиссера Романа Качанова.

Кино имело надо мной тираническую власть. Кино про- должалось во мне и после кино.

Как-то раз, еще в начальной школе, я решил поиграть в «Четыре танкиста и собаку». В Советском Союзе гремел та- кой фильм польских кинематографистов.

Дома, в своей комнате, из подручных предметов я легко соорудил себе танк: четыре стула, впереди швабра – вот и весь военпром. И хотя стулья стояли в ряд, как в трамвае, главной бедой моего танка было даже не это. До четырех тан- кистов мне не хватало ровно трех танкистов.

Со вторым танкистом я решил вопрос довольно быстро, пригласив в гости закадычного друга детства Сему. Но дальше начались проблемы. С остальными членами экипажа возникли сложности: дело в том, что мы с Семой в то время больше не знали никаких других детей, кроме друг друга. «ВКонтакте» тогда еще не было, и оперативно расширить круг знакомств не представлялось возможным.

Сема предложил сделать вид, что два других танкиста погибли. Я готов был согласиться на эту уловку, но, как маньяк чистого искусства, выдвинул одно условие: тела мертвых танкистов должны быть настоящими. Сему это озадачило настолько, что он даже заплакал.

Я не мог позволить себе подвести польских кинематографистов. Горшочек моего мозга отчаянно варил, правда, как всегда, не по рецепту. Поэтому я довольно скоро нашел элегантное решение. Я объявил, что два других танкиста уехали в командировку. Звучало загадочно и торжественно.

Мы вчетвером – я, Сема и два танкиста в командировке – заняли свои места в танке. И тут я осознал, что у нас нет собаки.

Весь следующий час мы с Семой носились по двору перед домом за бездомной дворнягой. Несчастное животное неосмотрительно выбрало наш микрорайон для послеобеденного сна. Когда собачка уже почти сдалась и стояла на задних лапах, держась за березу и кашляя вместо лая, Сема запаниковал.

Он начал скакать вокруг меня и кричать, что, даже если мы поймаем собаку, мы никогда не сможем поймать девочку. Шельмец был формально прав. В фильме «Четыре танкиста и собака» фигурировала некая возлюбленная главного героя, рыжая бестия. Сема настолько не верил в наши с ним перспективы поймать целую девочку, что вторично за день заплакал. Собака отдышалась, на прощание лизнула плачущего Сему и убежала.

Из двора нас забрала моя бабушка, вернувшаяся из магазина.

Пока мы поднимались наверх в квартиру, бабушка уточнила причину Семиных слез. Добрая женщина сразу согласилась стать рыжей бестией. Моего непритязательного приятеля это устроило. Я же потребовал у бабушки снять очки и причесаться, малолетний шовинист.

Но даже причесанная бабушка не решала проблему собаки.

Ее решил мой хомяк.

До того момента он уже целый год влачил бессмысленное существование в моей комнате. Наконец для него настал великий день, постановил я и повысил это бесполезное существо до собаки. Я разместил его в танке в коробке из-под ботинок.

И вот высшая художественная справедливость восторжествовала: четыре танкиста в составе меня, Семы, а также двух командированных товарищей вместе с собакой в виде

хомьяка гордо двигались навстречу рыжей бестии шваброй вперед, а рыжая бестия в исполнении причесанной бабушки без очков приветственно, хотя и подслеповато, махала нам рукой.

Мой папа, вернувшийся в тот момент с работы и заставший нашу артистическую инсталляцию, воскликнул:

«Ого! В человека рассеянного с улицы Бассейной играет?»

Действительно, есть у Маршака такое стихотворение. Но оно совсем про другое, катастрофически про другое. Мой папа всегда был непоправимо далек от искусства.

11. Деревенский Хеллоуин

Кто смотрел советский мультфильм «Варежка», тот над «Хатико» не плачет.

Правда, самое страшное кино из детства и спонсор моего заикания – это все-таки не «Варежка», а «Всадник без головы».

Я посмотрел его в деревне в четырехлетнем возрасте. На ночь. Я бы точно поседел, если бы на тот момент и так не был блондином.

После просмотра этого веселого семейного приключения с безголовым трупом, привязанным к лошади, я весь вечер ни на секунду не отходил от взрослых.

Взрослые же в полном составе пошли сидеть на лавочке за ворота: так делал весь местный деревенский бомонд. Селяне на лавочках за воротами переговаривались через улицу, перекидывались последними новостями. Это был прототип современного «Фейсбука».

Я увязался со своими и уселся с краю, вцепившись маленькими побелевшими пальчиками в отца.

Фильм закончился, но только не для меня. В моей голове звучала тревожная музыка, прямо как пишут в титрах.

Разговоры постепенно смолкли. Все наслаждались тихим очарованием летней ночи. Небо было высокое, усыпное. Крупные гроздья звезд аж звенели. Цикады поигрывали на

тонких струнках души.

«А-А-А-А», – раздался истошный вопль, и по улице в гулком безмолвии пронесся я.

На этом мои воспоминания о том прекрасном вечере заканчиваются. По легенде, меня потом несколько дней не могли выковырять из-под кровати и носили туда еду.

Вторая часть истории вошла в анналы уже по воспоминаниям родственников, в частности моего отца.

Селяне на лавочках молча проводили меня взглядом, пока я не добежал до калитки нашего дома и не исчез за ней.

«Чего это он?» – спросила соседка из дома напротив.

«Фильмов пересмотрел», – ответил мой отец и указал ей в начало улицы, на пригорок.

Там в начале улицы, на пригорке, в багровом зареве закатного солнца стоял всадник без головы.

Но, кроме меня, его почему-то никто не испугался.

Всадник без головы спустился с пригорка и поехал вниз по улице.

Как только он поравнялся с нашей лавочкой, все узнали в нем местного пастуха Петьку.

Петька ехал верхом на своей старой кляче, набросив на голову капюшон куртки от комаров. Старая кляча очевидным образом делала его всадником, а капюшон – без головы.

Петька уже миновал лавочки, когда соседка из дома напротив крикнула ему в след:

«Петька, придурок, кончай бухать! Вон ребенка за версту

напугал своим перегаром!»»

12. Бабушка Мороз

При наших современных городских тропических зимах Дед Мороз – это уже давно комический персонаж.

Ну, какой Мороз, право. Скорее, Дед Оттепель. Или Дед Слякоть. Или Дед Какой Придуток Опять Рассыпал Эту Соль. Правда, последнее имя – совсем уж экзотическое для Деда.

В наше время из-за глобального потепления эти двое находятся в хронической противофазе: Дед с Морозом встречаются только в мультиках.

А вот в моем советском детстве было и то и другое – и деды, и морозы.

Родители старались, чтобы Дед Мороз приходил ко мне на каждый Новый год. «Старались» – не в том смысле, что подсыпали мне галлюциногены в еду. Они наряжались. Косплеили Деда, как бы мы сейчас сказали. Для нас, советских детей, у Деда Мороза было знакомое лицо, потому что это лицо обычно принадлежало кому-то из наших родственников.

Впервые Дедушка Мороз вошел в наш дом, когда мне было годика три. Накануне торжественного события я так нервничал, ожидая анонсированного родителями Деда, что никак не мог заснуть. Мама полночи читала у постели начинающего невротика книжку. Это был сборник рассказов для детей про Ленина. В них его через строчку называли «дедушка Ле-

нин».

Поэтому, когда на следующее утро в дверях квартиры возник мой отец, переодетый Дедом Морозом, и собравшиеся по случаю родственники хором спросили меня: «Кто это, Олежка?», я не задумываясь ответил: «Дедушка Ленин!»

В шестилетнем возрасте во мне стали пробиваться слабые признаки интеллекта.

По рассказам родителей, в мой последний перед школой Новый год они всерьез озаботились правдоподобием наших ритуальных мистерий с Дедом Морозом. Папа, много лет послушно игравший эту роль, вдруг пошел в отказ.

«Я уже давно перерос этот образ! Я не развиваюсь! Это актерская смерть! Я хочу сыграть Макбета, Свидригайлова!» – кричал он.

Ладно, не кричал. Но дедморозить отказывался...

Он заявил маме, что, по его мнению, я начинаю что-то подзревать. Штирлиц еще никогда не был так близок к провалу, сказал папа, цитируя анекдот. И потребовал себе замену.

Все эти сомнения посетили папу очень вовремя, за пять минут до выхода на сцену. Я уже сидел в комнате под елкой, ожидая рутинно-волшебного звонка в дверь. (В шесть лет некоторые из моих сверстников уже пить бросали, а я все Деда Мороза под елкой ждал – это так, штрихи к портрету.)

На маме был стол.

«На мне стол!» – воскликнула мама и побежала на кухню, пригнувшись и втянув голову в плечи, как будто стол был на

ней не в фигуральном, а в прямом смысле.

В коридоре остались двое – папа и бабушка.

За одну минуту папа уговорил бабушку, за вторую он надел на нее костюм Деда Мороза, за третью укоротил на ней огромный красный тулуп, за четвертую вручил ей мешок с подарками и на пятой минуте отец торжественно вытолкал бабушку за дверь. Эта бабушка была мамой моей мамы, то есть папиной тещей. Поэтому не исключено, что в тот момент сбылась одна тайная папина мечта.

Наконец, в дверь позвонили. Я выбежал в коридор.

Дед Мороз 2.0 в исполнении бабушки был в два раза короче стандартного типового Деда Мороза.

Бабушка попыталась минимизировать женственность своего голоса, поэтому Дед Мороз 2.0 говорил как алкоголик, который сжег себе связки техническим спиртом.

В довершение этого фиаско накладная борода оказалась бабушке слишком велика. Поэтому борода Деда Мороза 2.0 начиналась прямо от бровей, что делало его похожим на Вия, о котором я, к счастью, в те годы еще не знал.

Но бабушка играла самозабвенно, с лихвой компенсируя провал костюмера.

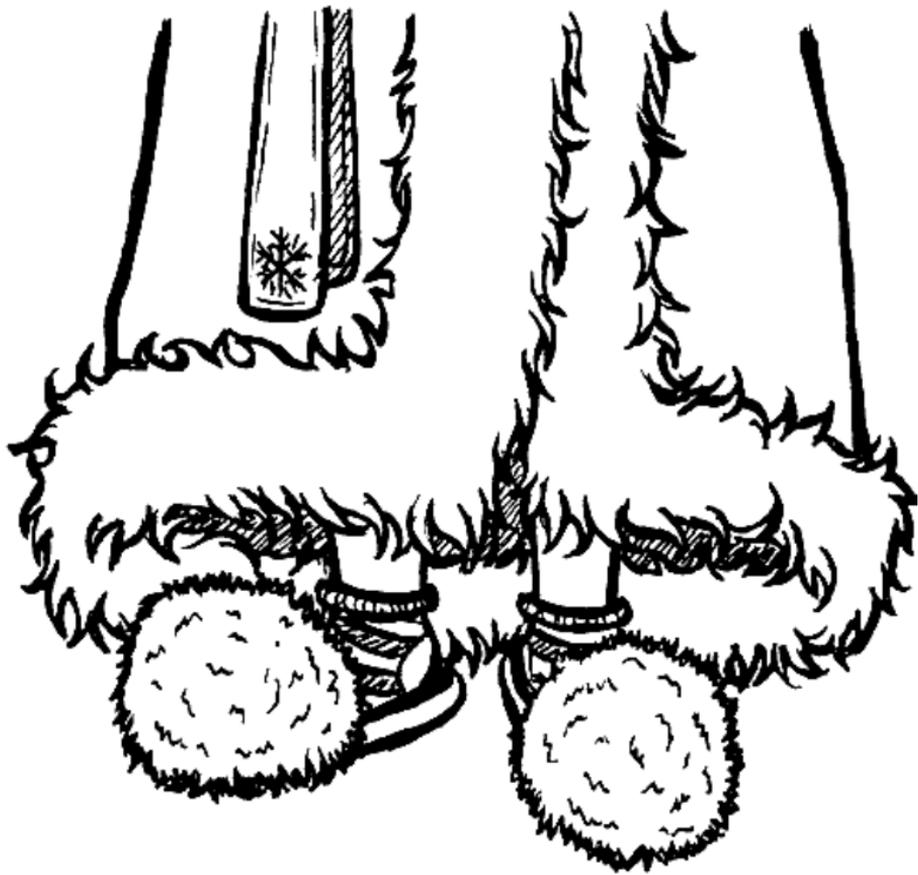
Родителям показалось, что я ничего не заметил. Все шло прекрасно.

И тут мама с папой обратили внимание, что я как-то странно кошусь на ноги Деда Мороза.

Они присмотрелись. Папа слишком сильно укоротил ба-

бушке тулуп. На ее ногах, доступные всеобщему обозрению, красовались домашние тапочки. «Фирменные» бабушкины тапочки с большими помпонами, которые она всегда носила по дому.

Все прямо как в том дурацком детском анекдоте, снова про Штирлица: ничто не выдавало в Штирлице русского разведчика, кроме буденновки и балалайки.

Пока родители пытались предсказать мою реакцию на их вероломство и измерить глубину нанесенной ребенку травмы, я продолжал принимать подарки и водить хороводы, как ни в чем не бывало.

По воспоминаниям мамы, папа прошептал ей тогда:
«У него, видимо, шок».

И вот очередной домашний ТЮЗ подошел к концу, и мы направились в коридор провожать сказочного гостя.

Там я попросил Деда Мороза наклониться ко мне и что-то шепнул ему на ухо. Дед Мороз в ответ погладил меня по голове и вышел за дверь. А я побежал в комнату разбирать подарки.

Через несколько минут бабушка-оборотень незаметно прокралась обратно в квартиру в своем человеческом облике.

Родители немедленно бросились к ней:

«Что он сказал? Что сказал?»

Бабушка улыбнулась и ответила.

Родители тоже начали улыбаться.

А папа даже добавил:

«Вот она, сила искусства!»

В коридоре, у входной двери, я прошептал Деду Морозу на ушко:

«Я знаю, что ты надел бабушкины тапки. Но я тебя не выдам!»

13. Баба-яга

В детстве я проводил лето на даче с бабушкой.

Как-то раз бабушке нужно было отъехать на несколько часов в Москву.

Она сказала, что ненадолго отведет меня к соседке.

И я разрыдался. Как клоуны в цирке – ручьями. Один раз я уже был у той соседки – больше не хотелось.

«Олежка, тебе там не нравится?» – спросила бабушка.

«Она – Баба-яга», – раскрыл я свои карты.

«Почему Баба-яга?» – удивилась бабушка.

«Она пьет гриб!» – разрыдался я пуце прежнего.

У советских людей был такой фетиш – гриб. Они держали его в неволе в трехлитровой банке в воде, пока он не отдаст им все свои живительные соки. А потом пили эту гомеопатическую амброзию. Гриб выглядел ужасно – как мертвый распухший блин. Он плавал в банке у той соседки и в первый мой визит страшно меня напугал.

Но бабушке очень надо было в Москву.

«Пойдем, – сказала бабушка, – я тебе кое-что покажу».

Мы направились к соседке.

Пока мы шли от ее калитки к дому, пионы вдоль дорожки поворачивали ко мне свои румяные бутоны и шептали:

«Тебе конец, глупый мальчик!»

В доме произошла катастрофа. Моя бабушка взяла у со-

седки ту самую банку сдохлым блином внутри, налила себе стакан и выпила!

«Вот видишь, ничего страшного, очень даже вкусно», – собиралась сказать бабушка, но успела произнести только «вот видишь...»

Потому что я опять разревелся.

«А-а, – кричал я, – теперь и ты Баба-яга!»

В итоге в Москву мы поехали с бабушкой вместе...

Та соседка по даче, кстати, до сих пор жива, дай ей Бог здоровья. В свои девяносто носится по участку и одной рукой выкорчевывает пни. Натуральная Баба-яга.

По ночам ее дом жалобно трещит всеми дощечками. Это рвется на волю гигантский гриб. Можно себе представить, как он должен был вырасти за эти годы.

14. Волшебная лампа Аладдина

В моем детстве на даче у бабушки стоял старый советский ламповый радиоприемник «Аккорд». Деревянный, на ножках, размером с телевизор.

В верхней части радиоприемника, на втором этаже, помещался проигрыватель виниловых пластинок. Каждый раз, когда мы запускали у него на голове пластинку, радиоприемник расстраивался из-за того, что его использовали не по назначению – так мне тогда казалось.

По вечерам, сразу вслед за сумерками, когда дачные собаки деликатно замолкали, пропуская вперед ночь, наступало мое время. Родители укладывали меня в комнате и уходили на террасу смотреть телевизор. Меня телевизор не интересовал: я оставался наедине с настоящим, а не тем поддельным чудом – с радиоприемником.

Едва я нажимал на белую пузатую кнопку, прибор оживал. Он светился изнутри каким-то нездешним лунным светом и тихо дышал, шипя.

Я замороженно вглядывался в лучистую шкалу: КВ2, КВ1, ДВ, СВ, МП, УКВ – это была поэзия, тайный шифр мироздания.

Я осторожно трогал колесико справа с настройкой частоты. Осторожно, потому что оно управляло душой радиоприемника. Я медленно вращал теплый (от моих пальцев)

диск, намеренно пропуская станции с песнями и голосами людей. Тихонько, на цыпочках, я приближался туда, к заветному краю шкалы, вдоль которой мерцали названия невиданных городов: Прага, Дрезден, Турку, Стокгольм, Белград, София... Наконец, я миновал их все, вертикальная красная линия проплыла мимо загадочного Беромюнстера, и вот она, цель моего путешествия, вот он, мой таинственный собеседник, в тысячах километрах от подмосковной дачи, в миллиметре от загадочного Беромюнстера.

Каждый раз, когда я подводил поисковую проволоку к этой точке на шкале, из радиоприемника раздавался сигнал. Что-то слабо, едва различимо пикало в динамиках, через одинаковые интервалы в несколько секунд.

Однажды мы с папой нашли это место на шкале, и он сказал, что, возможно, какое-то судно в океане посылает нам радиосигнал. Папа сказал именно так, слово в слово, довольно сухо.

Из-за того, что он употребил слово «судно», а не «корабль», «океан», а не «море», наконец, «радиосигнал», а не «пиканье», приемник на моих глазах из непонятной деревяшки мгновенно превратился в волшебную лампу Аладдина. Я знал: мой папа, по профессии радиоинженер, не мог ошибаться в таких вещах.

Я засыпал под нечленораздельное шипение советского лампового радиоприемника «Аккорд», вслушиваясь в мягкую раковину подушки, и представлял одинокое судно в ноч-

ной дали океана, посылающее мне сигнал через бесконечность.

15. Школа эстетического воспитания

В нашем районе в советское время существовало такое чудище морское – «Школа эстетического воспитания».

«Школа эстетического воспитания» располагалась в безобразной подворотне. Родители водили меня туда на занятия в последний год перед поступлением в школу. Это было оправданной мерой. Я рос довольно сермяжным ребенком: мог сесть за стол без ножа для рыбы и при слове «жопа» не собирался падать в обморок.

В той школе, среди прочего, нас учили рисовать. А потом устраивали маленькие выставки из детских работ. Отец до сих пор любит мне припоминать, что мои картины можно было узнать сразу. Еще за три квартала. На черном небе – черное солнце, а под ними – черные дома на черной земле и скелеты черных людей. И все это с черными эстетическими разводами. Школа-то эстетического воспитания. Вот я и старался соответствовать.

Однажды на очередной выставке к моему папе подошел педагог и попросил уделить ему одну минутку. Преподаватель начал рассказывать отцу о том, какой я сложный ребенок, какой лиричный, какой мыслящий, какой ищущий и даже сомневающийся. И все в том же духе. Папа периодически

испуганно оглядывался на меня, стоящего поодаль, сверяя оригинал с интерпретацией педагога. По словам отца, я во время их беседы хомячил огромное яблоко. Немытое.

На словах учителя о том, какая я невероятно глубокая и тонкая личность, я закончил есть яблоко, рыгнул и выбросил огрызок в окно.

16. С немытой головой в светлое будущее

От важных событий в памяти через много лет остаются одни лоскуты. Как будто они истрепались на ветру времени.

Про свое 1 сентября я помню какую-то чушь.

Я запомнил, что мы с мамой, и бабушкой, и папой, и соседкой, и ее собакой, и нашим дворником, и еще с десятком каких-то равнодушных людей так спешили торжественно проводить меня в первый класс, что забыли помыть мне голову.

Когда мы большой делегацией, замыкаемые собакой, шли от дома к школе, мама так и сказала:

«Ой, мы забыли помыть ему голову».

Едва она это произнесла, голова у меня стала чесаться.

Я рос крайне чувствительным и мнительным ребенком, и к тому моменту, когда впереди показался пестрый гудящий школьный двор, я мог думать только о своей немытой голове.

Директор школы произносил речь про «самый важный день в жизни», а я стоял и психовал, что в самый важный день в жизни у меня на голове птичье гнездо. Тогда я еще не подозревал, сколько разных директоров впоследствии будут задвигать мне про «самый важный день в жизни».

Я накрутил себя про немытую голову настолько каче-

ственно, что решил прикрыть ее от посторонних взглядов букетом цветов, плотно прижав его к лицу.

Директор отмикروفонил по бумажке, и торжественная линейка под веселую музыку стала расползаться в светлое будущее, по классам. Букет, за которым я прятал немытую голову, полностью закрывал мне обзор. Я шел в толпе наугад, за шорохом шагов впереди. Через несколько минут шорох шагов впереди начал стихать. И в то же мгновение над школьным двором раздался чей-то металлический голос из мегафона:

«Чей ребенок идет в стену?»

Это был чей надо ребенок, ребенок своих родителей, моих родителей, то есть я. Из-за того дурацкого букета поверх лица я отбился от стада и шел по направлению к глухой школьной стене. Меня поймали и вернули в строй. Впоследствии я еще долгое время фигурировал среди учителей и родителей под кодовым наименованием «ребенок, идущий в стену». В прекрасном японском это наверняка называется одним красивым словом, вроде «камикадзе».

Но самое ужасное случилось уже в классе, куда нас, первоклашек, привела учительница. Мы все кучковались у входа в помещение, пожирая взглядом вожаделенные парты, пока учительница зачитывала что-то торжественное по бумажке. Толпа детишек оттеснила меня в самый угол при входе в класс. Там я наконец отлепил букет от лица и огляделся. И первое, что я увидел, была раковина.

«РАКОВИНА!» – подумал я и начал сползать в обморок.

У нас в классе в углу при входе почему-то располагалась обыкновенная раковина с краном.

Я понял, что сейчас мне прилюдно, на глазах у всех этих незнакомых детишек, будут мыть немытую голову, ведь с немытой головой за такую чистую прекрасную парту, очевидно, садиться нельзя. Возможно даже, директор лично придет натирать мою жалкую черепашку хозяйственным мылом.

Я попытался выбраться из угла, как боксер в клинче, но передо мной стояло сразу несколько рослых девочек. Это было советское время, и тогда с экологией дела обстояли куда лучше, чем сейчас, поэтому девочки получались как на подбор – высокие, крупные.

В руках девочки-гренадеры держали одинаковые букеты гладиолусов. Это все был, конечно, полный сюрреализм и 1 сентября в Твин Пиксе, если бы я тогда знал, что значить «сюрреализм», не говоря уже о «Твин Пиксе».

Я оставил попытку вылезти из-за девочек (в любом другом контексте это, пожалуй, звучало бы даже романтично) и затаился в углу, как хорек.

Торжественная речь учительницы размеренно шелестела сквозь гладиолусы, и я немного подуспокоился. Я даже слегка осмелел и подумал, что, может быть, меня на первый раз пощадят и не станут мыть голову.

И в этот момент мой взгляд упал на портрет Ленина, ви-

севший на стене класса.

«Без валиантов – мыть!» – сказал портрет картаво. И я снова начал терять сознание...

Через много лет у меня постепенно выпали волосы, и я облысел.

Уверен: от последствий того стресса 1 сентября.

17. Сладкая месть

Я не люблю свой день рождения.

Не люблю с того момента, когда мне подарили деревянную лошадку. Мне сказали «беги скорей сюда, малыш, мы подарим тебе лошадку», и я побежал. За живой лошадкой. А лошадка оказалась мертвой. В смысле – деревянной, что, по сути, для ребенка одно и то же.

В другой раз, тоже в малолетстве, я так лихо задул свечи на праздничном торте, что спалил себе брови. Безбровый бледный ребенок – то еще зрелище, матушку потом отпаивали шампанским. С тех пор я не приемлю тортов со свечами. Вообще, задувать свечи после тридцати опасно – можно сгореть заживо.

«Все невроты из детства», – как хором скандируют невроты на своем ежегодном слете в подвале Клиники невротозов.

Я не исключение. Мертвая лошадка в подарок – это так, не серьезно. Не серьезно. Не серьезно. Не серьезно. Отвечает у меня только за неврот навязчивых состояний.

Было кое-что и пострашнее.

В начальной советской школе у нас практиковался такой обычай: в свой день рождения каждый именинник приносил в класс большой пакет с конфетами. Ходил с ним по рядам и раздавал сладости одноклассникам.

Мой день рождения приходился аккурат после зимних ка-

никул. Горечь окончания праздников и стресс возвращения на школьные галеры для моих товарищей каждый год компенсировались пакетом с лакомством от Батлука. И в этом была проблема.

Родители школьников подходили к задаче формирования подарочного пакета весьма серьезно. Ведь это был своего рода пакет тщеславия, индикатор благосостояния семьи. Один мальчик как-то раз принес кулек с ирисками – его потом до восьмого класса так и обзывали. Нет, не ириска, если бы. Кулек.

Мои матушка с батюшкой не были исключением. Подарочный пакет они наполняли с размахом членов ЦК КПСС – только элитными шоколадными конфетами, вроде «Белочки» или «Мишки на Севере». Это сейчас ассортиментом никого не удивить. А в советское время с белочкой хорошо было только в плане последствий от алкоголя, а в плане конфет с «Белочкой» наблюдался дефицит.

Подарочный пакет от Батлука был очень щедрым, в то время как сам Батлук был очень жадным. И в этом заключалась проблема. Я до зубной боли, до покраснения конечностей не хотел делиться с этими упырями-одноклассниками своими конфетами.

Особенно шоколадными медалями. Это были хоть и шоколадные, но все-таки медали, а я рос очень амбициозным мальчиком. Отдавать свои медали другим детям – за что, с какого перепугу? Разве они тряслись над ними, так же как

я, сгрызая ногти до фаланг от жадности? Нет! Только я, я, ребенок без пальцев, заслужил их!

В пакете шоколадных медалей и так было совсем немного – всего пара штук. И эти троглодиты, мои одноклассники, каждый раз их обязательно из пакета выметали. Под ноль. К концу праздничного обхода в пакете почти ничего не оставалось: двоечники брали оттуда и по две, и по три конфеты (а еще про них говорили, что они считать не умеют – чушь). Я, конечно, старался подсунуть детворе побольше сладостей под названием «Раковые шейки». Лично меня эти конфеты настораживали. Перспектива глотать нечто, сделанное не просто из раков, а из их шей, откровенно пугала. Но эти мелкие мерзавцы беспардонно копались в пакете, залезая своими шаловливыми ручонками в самые заветные недра, где на дне мною были надежно, как мне казалось, припрятаны медальки.

И в третьем классе я не выдержал. Я спрятал шоколадные медальки в настолько укромном месте, что оттуда их смог бы достать разве что проктолог. Я их съел.

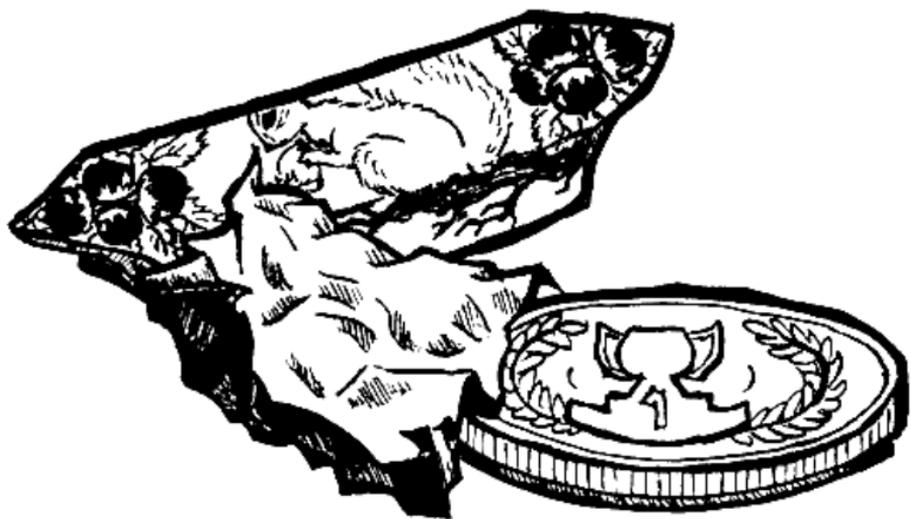
Прямо перед тем, как идти утром в класс, под лестницей на первом этаже школы. Схозячил. Все медальки без остатка, едва золотую фольгу не проглотил.

Потом посидел, подумал и для верности съел еще все «Мишки на Севере». Тоже вкусная конфета была. Эти мелкие обжоры все равно не оценят, решил я тогда.

Затем я прикончил все «Белочки». «Еле „Белочку“ раздо-

была», – сказала накануне мама отцу. И чтобы плоды трудов бедной женщины достались этим неблагодарным коротышкам? Ни за что!

Через пять минут на дне пакета остались две «ириски», непонятно как затесавшиеся в кондитерскую элиту.

С двумя ирисками в народ не пойдешь, здраво заключил я и вместо народа пошел к школьному доктору.

Я направлялся к нему соврать, что у меня болит живот. Пока дошел, живот и вправду разболелся – пакет был увесистым. Доктор дозвонился к нам домой, до моей бабушки, и она забрала меня из школы до начала уроков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.